

Какие скульптуры украшали Старую биржу?

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ним общественным бытом. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", уже 12-й год плодотворно работает на отечественном рынке недвижимости. Предлагаем вниманию читателей материал, связанный с оформлением фасада Старой биржи (Горсовета) в первый период ее существования. Эта тема еще никогда не поднималась в историко-краеведческих публикациях.



Да не вопрос, ответят мне. Какому же цивилизованному одесситу неизвестно, что здание Старой биржи, а ныне горсовета, украшают скульптурные фигуры Меркурия и Цереры? Как и скульптурная композиция в средней части главного фасада, символизирующая времена суток, установлены они в ходе перестройки биржи знаменитым зодчим Ф.О. Моранди в 1871-1873 годах. Автор первых двух — известный скульптор миланской школы и педагог Луиджи Доминикович Иорини.

Все верно, спорить не о чем. Церера и Меркурий неплохо сохранились, продолжают радовать глаз и сегодня. К слову, в процессе недавней реставрации здания рабочие совершили любопытное открытие. В одной из глубоких ниш старинного биржевого подвала обнаружилась деревянная заготовка, служившая Иорини моделью для изготовления гермы Меркурия. По счастью, мне даже удалось сфотографировать необычную находку.

Но речь, как уже догадался читатель, пойдет не об этих хрестоматийных скульптурах, а о других, им предшествовавших. В научной и краеведческой литературе этот сюжет, насколько мне известно, никогда не рассматривался.

Продолжительное время работая с материалами ряда фондов Государственного архива Одесской области, обнаружил интересное дело, в котором как раз и изложена интересующая нас информация. 2 марта 1837 года из Управления одесского градоначальника в местный Строительный комитет поступает сообщение о том, что мраморщик Дженари приторговался за 400 рублей изготовить мраморные изваяния льва и медведя для

водружения их по бокам большого каменного крыльца биржевого дома. Поскольку же "под сии мраморные изображения нужно будет устроить мраморные же пьедесталы", то и предлагается "договорить мраморщика" по этому поводу, с учетом оценки установки.

Иосиф и Петр Джениари — популярные в старой Одессе мраморщики-итальянцы. Иосиф Джениари высекал не только трогательных ангелов для надгробий Старого городского кладбища, но и парковые скульптуры, каминные, мраморные изделия для салонов и вестибюлей аристократических особняков, вилл состоятельных негоциантов и т. д. Петр Джениари прославился тем, что в 1827 году соорудил из бугского гранита основание монумента герцогу де Ришелье на Приморском бульваре. Мастерская их помещалась на Дерибасовской улице в доме Марини, № 25, на месте которого впоследствии выросла гостиница "Большая Московская". Затем Джениари разъединились: Иосиф остался на прежнем месте, а Петр переехал на созвучную Итальянскую улицу, в дом Понятовского. На месте этого дома в конце 1850-х годов вырос особняк Абазы, позднее перешедший к Рафаловичу, а ныне — это Музей западного и восточного искусства, что тоже символично.

Невольно возникает вопрос: почему выбрано именно такое сочетание фауны? Тут ведь явный удар по гармонии, симметрии, да и традиции (львы, что показательно, украшали вход в биржевую залу еще тогда, когда она квартировала в доме коммерции советника Рено). Могут ответить лишь чисто умозрительно, хотя, по-моему, вполне убедительно. Лев — разумеется, царь зверей, символ власти, мощи и благородства, красующийся даже в государственных гербах, не говоря уже о приватной геральдике. И все же он фигура экзотическая, заимствованная, пришлая, а посему, надо полагать, комплект решили дополнить более патриотичным и родным русским медведем. Вот и выходило по-нашему: и волки сыты, и овцы целы, и хищники одомашнены. Тем паче, биржа тогда обустроивалась как место предстоящего грандиозного приема в честь посещения Одессы императором, членами его семейства и многочисленной свитой.

8 марта 1837 года один из членов Строительного комитета сообщает градоначальнику А.И. Лёвшину о том, что договорил мраморных дел мастера Монтебруна сделать за 100 рублей два пьедестала из "синего крепкого заграничного камня стоимостью 60 рублей", то есть суммарно за 160 рублей. Затруднительно с абсолютной точностью сказать, какой именно это был камень, — ясно только, что изверженная горная порода родом со Средиземноморья. 12 марта Левшин разрешает заказать Монтебруну озна-

ченную работу на его условиях. 1 июля градоначальник просит поспешить с исполнением предыдущих предписаний относительно изготовления и установки статуй. Его нетерпение понятно, ибо высочайший визит на носу. Две недели спустя пьедесталы окончены, однако устанавливать их тотчас же нет возможности: в бирже еще продолжаются перестроечные операции. Вместе с тем надлежит отпустить мастеру, сардинскому подданному Лоренцо Монтебруно, 400 рублей за изготовленные мраморные фигуры.

А на каком основании деньги отпускаются ему, а не Дженари, с которым, собственно говоря, и был заключен договор о подряде? Комментарий прост: Монтебруно был его преемником, то есть получил на определенных условиях скульптурную мастерскую на Итальянской улице и как бы фирменный знак. В справочниках на 1837 год так и значится: "Лоренцо Монтебруно — преемник Петра Дженарио". В документах Строительного комитета от 20 июля 1837 года упомянуто о том, что Монтебруно следует выплатить 400 рублей "за сделанные им по заказу мраморные фигуры льва и медведя" из 10.000 рублей, предназначенных "на умелблирование биржи" (опять-таки понятно, что к императорскому визиту). После некоторых бюрократических проволочек сумма эта была отпущена итальянскому мраморщику 27 сентября того же года.

Теперь — другой вопрос: как долго простояли мраморные лев и медведь по обе стороны биржевого крыльца и куда они девались впоследствии? Ищите и обрящете. Можно было, по крайней мере, предположить, что мемориальная фауна по какой-то причине демонтирована в связи с капитальным переустройством биржи в первой половине 1870-х годов. И действительно, в местной периодике нашлась весьма обстоятельная информация на этот счет.

Когда по обе стороны крыльца биржи устанавливали газовые фонари, мраморные фигуры сняли. К этому времени они были настолько обезображены, что невозможно было отличить медведя от льва (воленс-ноленс вспомнишь Прутковва). Возможно, они как-то пострадали в период бомбардировки города союзным флотом в апреле 1854 года, а может быть, на них вымещали злобу разорившиеся биржевые игроки, кто знает. Во всяком случае, в газете говорят о "каменных львах с разбитыми мордами и боками". Как ненужный хлам их забросили в думский двор, где они и провалялись всю зиму 1872-1873 годов. Но даже и обезличенные, эти рукотворные звери числились на казенном балансе.

Весной 1873 года смотритель биржевого здания обратился к видному предпринимателю и общественному деятелю Александру Георгиевичу

Вучине (1830-1896 гг.) с настоятельной просьбой купить искалеченные фигуры, говоря, что некто предлагает за них 20 рублей. Между прочим, один из принадлежавших этому состоятельному семейству хлебных экспортеров домов (фирма основана в 1829 году), по улице Пушкинской, № 19, строил как раз реставратор биржи Ф.О. Моранди. В ответ на уговоры А.Г. Вучина заплатил просимые деньги, но когда его приказчик привез покупку домой, оказалось, "что львы эти никуда не годятся".

Тем временем завистники и конкуренты стали распространять слухи, компрометирующие покупателя, — он-де присвоил себе казенное имущество и проч. На самом же деле Вучина немедленно отправил фигуры в Строительное отделение Городской думы, поскольку осведомился, что некий горожанин готов приобрести "львов" за несколько высшую цену. В результате это городское имущество продали с публичного торга — как качественный материал, вполне пригодный для повторного использования.

Так печально сложилась судьба первой скульптурной группы у стен нынешнего горсовета. Что именно изготовили из ее останков — львят, медвежат, а статья может, девушек с веслами, — мне пока достоверно дознаться не удалось. Впрочем, дознание продолжается.

